

Заозерский Н. А. Странный ревнитель святыни семейного очага.
[Рец. на:] Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного.
Бесцензурное изд. СПб., 1901. // Богословский вестник 1901.
Т. 3. № 11. С. 446–469 (2-я пагин.).

СТРАННЫЙ РЕВНИТЕЛЬ СВЯТЫНИ СЕМЕЙНОГО ОЧАГА.

(В. В. Розановъ: Въ мірѣ не яснаго
и не рѣшеннаго. СПБ. 1901. II. 1 р. 50 к.
Безцензурное изданіе).

Прежде всего почтаемъ долгомъ предупредить читателя, что настоящая статья — не для семейного чтенія, хотя заглавіе ея, повидимому, на это именно и претендуетъ. Тотъ, кому дорога святыня семейного очага, изъ самаго содержанія статьи увидить, какъ ему воспользоваться ею въ интересахъ семьи, а до прочтенія пусть прищептъ для нея какое нибудь сокровенное мѣсто.

Не съ радостнымъ настроениемъ мы принимаемся за настоящій трудъ. Напротивъ, нами овладѣваетъ желаніе начать его такимъ заявлениемъ: о если бы никогда не появлялось книгъ, подобныхъ настоящей книгѣ В. В. Розанова и намъ не приходилось писать такихъ рецензій, какъ настоящая!.... Единственное свѣтлое и отрадное, что одушевляетъ насъ въ этомъ тяжеломъ (морально) трудѣ, это—лучь надежды, что, быть можетъ, наша рецензія предупредить появление книгъ подобныхъ настоящей и — главное — быть можетъ самого В. В. Розанова на столько тронетъ, что онъ въ *себѣ* *пришедъ* навсегда откажется составлять подобныя книги.

Эта скромная и исключительно гуманная цѣль позволяетъ намъ въ то же время надѣяться, что и почтенная редакція Богословскаго Вѣстника дозволить намъ занести на его страницы иѣкоторыя мнѣнія чи изреченія г. Розанова — весьма

неудобопечатаемыя, перепечатаніе которыхъ въ рецензіи необходимо.

Названная книга не представляетъ собою какого либо новаго произведенія пера г. Розанова, а есть — въ первой ея половинѣ перепечатка статей появлявшихся отдельно въ разныхъ газетахъ 1898—99 гг., а во второй — сборникъ статей и писемъ разныхъ лицъ, положительно и отрицательно относившихся къ мнѣніямъ г. Розанова.

Наша рецензія будетъ имѣть въ виду почти исключительно собственныя статьи г. Розанова; вторая часть книги будетъ имѣться въ виду лишь въ качествѣ комментаріевъ къ первымъ.

Эти лица, читавшія включенные въ сборникъ статьи г. Розанова, разошлись крайне рѣзко въ оцѣнкѣ ихъ. Одни находили ихъ нелѣпыми, кощунственными, другія — прямо геніальными. Такъ, нѣкто М. С-въ писалъ автору: „подъ гнетомъ духа любодѣянія написаны Вами послѣднія статьи“ (стр. 127). „Я очень досадую на себя — писалъ г. Розанову С. є. Шараповъ, редакторъ „Русскаго труда“ — что рѣшился печатать Ваши статьи.... Каюсь,—передъ сдачей въ наборъ не дочиталъ до конца, да вѣдь и почеркъ Вашъ — отчаянный.... (Какъ ни старался я) вымарывать, смягчать и накладывать фиговые листья, все таки любодѣйнаго духа выкурить (изъ нихъ) не могъ“ (тамъ же. А всетаки — выпустилъ въ свѣтъ).

Иными показались статьи г. Розанова протоіерею А. У-скому, Магистранту Богословія (такъ титулуетъ онъ самъ себя) „Вы открыли новую Америку... къ плеядѣ пророковъ принадлежите Вы (В. В-чъ). Да, нынѣ вѣкъ пророковъ. Не даромъ Вл. С. Соловьевъ такъ любилъ употреблять это слово. Вероятно, будущій историкъ нашихъ дней начнетъ свое сказаніе о нихъ такими словами: „Въ то время, когда пастыри душъ человѣческихъ превратились въ пастырей однихъ только кармановъ человѣческихъ, для управлѣнія человѣческими душами стала Господь Богъ воздвигать пророковъ“ ¹⁾.

¹⁾ Стр. 121. Письмо Пр. А. У-скаго. Неизвѣстно, предназначалось ли это письмо для печати, или нѣтъ. Вопросъ важенъ впроч. лишь настолько, насколько обуславливаетъ собою решеніе другаго вопроса

Такая рѣзкая разность оцѣнки невольно заставляетъ поставить вопросъ: чѣмъ же объяснить ее? Для решенія этого вопроса нельзя опускать изъ виду, что и авторъ и читатели и редакторы дѣйствовали крайне спѣшно, страстно, какъ будто дѣло касалось личной ихъ судьбы. И кто знаетъ, что написанное и наговоренное такъ спѣшно не кануло ли бы на всегда въ Лету, затерявшись въ массахъ газетной бумаги?! Но вотъ г. Розановъ собралъ тщательно все это писаніе, издалъ въ видѣ книги и такъ обр. увѣковѣчилъ его навсегда въ исторіи русской литературы. Это писаніе теперь въ видѣ книги должно получить *объективно холодный приговоръ рецензента*: къ какому роду литературныхъ произведеній принадлежить сія книга?

Есть однако же и болѣе важная причина разности во взглядахъ на произведенія г. Розанова; это — его особенная манера писать и мыслить. Г. Розановъ — врагъ обычного яснаго прозаического изложенія, связности, послѣдовательности; теченіе его мыслей движется *внѣ логического порядка* интуитивно, по какому-то особенному наитію. Эти-то особенности манеры писанія и мышленія г. Розанова въ соединеніи со спѣшностью чтенія и служили причиной того, что сторонники и противники его часто *не втолни*, а то и *состоимъ* его *не понимали* и онъ *принужденъ* былъ поправлять ихъ. Одного изъ своихъ почитателей онъ поправляетъ напр. такъ: „авторъ не правильно понялъ слова моей статьи..... я не беру текстъ изъ Писанія, но подслушиваю *пожеланія мира, идеалы мира, вздохи мира* (стр. 69). Въ этой оригинальной манерѣ мышленія *внѣ логического порядка* онъ заходитъ иногда такъ далеко, что ставить себя въ положеніе въ собственномъ смыслѣ *исключительное*. „Анатомы говорятъ глупости обѣ этомъ граафомъ пузыркѣ“—заявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 76). „Глубинъ христіанства никто еще не постигъ и эта задача, не брезживающая Западу, можетъ быть есть оригиналная задача *русскаго гenія*“ (стр. 105) заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. И подобного рода заявленій въ статьяхъ его не мало. Если къ этому присоединить не ожиданно странныя сближенія, антitezы, образ-

самъ ли себя публично высѣкъ о. Протоіерей. или — злоупотребивъ его довѣріемъ—высѣкъ его В. В. Розановъ

ность, дерзкія выходки противъ установившихся богословскихъ возврѣній, которыми уснащена его рѣчь, то удивительно ли, что въ умѣ иного довѣрчиваго и не далекаго читателя возникала серіозная мысль: ужъ не гений ли предъ нами? Не пророкъ ли восталь среди нась въ лицѣ г. Розанова?!

Но къ дѣлу!

Статьи г. Розанова, предлежащія теперь въ видѣ книги, слѣдующія:

- 1) Изъ загадокъ человѣческой природы (1—20).
- 2) Иродова легенда (21—36).
- 3) Истинный „fin de siècle“ (37—44).
- 4) Номинализмъ въ христіанствѣ (44—51).
- 5) Семья какъ религія (52—68).

Не связанныя между собою вѣшнимъ образомъ, они однакоже имѣютъ тѣсную внутреннюю связь, при чемъ первая относится къ прочимъ какъ ихъ базисъ, а въ цѣломъ все даютъ полное основаніе характеризовать нашего писателя, какъ философа, моралиста и богослова.

Въ качествѣ философа г. Розановъ выступаетъ въ статьяхъ своихъ творцомъ оригинальной гносеологической теоріи (ученія о познавательной способности человѣка). Сущность этой теоріи такова: господствовавшее доселѣ мнѣніе, что „голова“ человѣка или головной мозгъ есть „сѣдалище души“ и главный органъ высшей интеллектуальной способности—совершенно ложно. Эту честь голова и мозгъ ея должны уступить *половымъ органамъ*. Правда и головной мозгъ человѣка нѣсколько функционируетъ въ познавательной дѣятельности; можетъ быть посредствомъ мозга мы любопытствуемъ, догадываемся, отгадываемъ, построимъ что либо въ родѣ „аристотелевскихъ силлогизмовъ“.

Всѣ люди смертны

Сократъ—человѣкъ.

Слѣдовательно — Сократъ смертенъ—но высшая функция интеллектуального творчества принадлежать не ему, а половымъ органамъ. Они—„сѣдалище души“, ими мы доходимъ до зиждительныхъ, „ноуменовъ“ Канта, „идей“ Платона; имъ обязанъ человѣкъ своими религіозными созерцаніями и откровеніями. Посему-то актъ полового совокупленія (*coitus*) обычно такъ презираемый, есть въ дѣйствитель-

ности моментъ величайшихъ откровеній разума и божественного духа — есть величайшее религіозное священное дѣйствіе.

Эту теорію авторъ открылъ, если вѣрить ему, не путемъ аристотелевскихъ силлогизмовъ или напряженною дѣятельностію головнаго мозга, но подслушивая „вздохи міра“ и внимая откровеннымъ рѣчамъ великихъ дѣйствовавшихъ также не головнымъ мозгомъ¹⁾ поэтовъ (напр. Лермонтова), но она не противорѣчитъ и физіологическимъ наблюденіямъ. „Мозгъ самый тяжелый — говорить г. Розановъ — быть у Кювье, но слѣдующій за нимъ по тяжести былъ мозгъ одной помѣшанной женщины, высокія способности которой ни кѣмъ не были засвидѣтельствованы: выражение разорванности между душою и мозгомъ довольно доказательное. Рядомъ съ этимъ самое прекрасное лицо есть лицо Рафаэля. Его гений тѣмъ высокъ, что это не былъ вовсе гений порядка логического, но гений образовъ, созерцаній, таинственныхъ молитвъ, для которыхъ онъ не нашелъ слова и, какъ бы взявъ краски съ цветка, сочеталъ ихъ въ дивныя картины. Единственное въ исторіи лицо; но чѣмъ оно особенно настъ поражаетъ? Одною страшною и не много сверхъестественною въ себѣ чертою: это лицо дѣвушки, посаженное на мужчину. Присутствие обоихъ половъ въ одномъ существѣ — двуполость въ индивидуумѣ — невольно въ немъ останавливается. Т. е. какъ мы можемъ догадываться — лицо первого по богатствамъ души человѣка, самого небеснаго, свидѣтельствуетъ о странной раздвоенности его души на начала мужское и женское. и вѣроятно, соотвѣтственно этому о постоянномъ и сильнейшемъ въ немъ половомъ возбужденіи utriusque sexus“ (стр. 8—9).

Противорѣчать этой гносеологической теоріи г. Розанова только анатомы (?), которые говорять, что половые органы вырабатываются и хранять только клѣточки, материальные организмы, а не „души“, но г. Розановъ раздѣлывается съ ними очень быстро и побѣдоносно: „Анатомы передаютъ глупости обѣ этомъ „граафовомъ пузырькѣ“. Его природу, природу выходящаго изъ него дитяти, лучше знаетъ поэтъ (говорящій).

¹⁾ Мозговики, это — Вундтъ и пр. но отнюдь не поэты и философы (Стр. 8).

Онъ (Ангель) душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.“ (Стр. 16).

Перемѣстивъ „сѣдалище души“ и высшія интеллектуальныя функциї изъ головнаго мозга въ „нижнія точки пола“, въ „половыя пустоты“ (9—10) нашъ философъ преобразовалъ и господствовавшее доселѣ мнѣніе о значеніи лица или человѣческой физіономіи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое лицо человѣческое? „Лицо есть зеркало души“—такъ думало доселѣ человѣчество. Такъ собственно говоря, думаетъ и г. Розановъ. Но что такое душа человѣческая? „Душа есть полъ“—утверждаетъ г. Розановъ; „душа бываетъ мужская и женская“. Отсюда болѣе правильнымъ будетъ такое ученіе о значеніи лица человѣческаго: лицо есть зеркало пола, или—выражаясь подлинными словами г. Розанова — „лице есть дешифрированіе пола,“ (стр. 4). Это ученіе частнѣе излагается такъ: „Остановимся на частностяхъ дешифрированія пола въ лицѣ и возьмемъ цвѣтокъ (!) гдѣ намъ все становится „сказуемѣе“: его благоуханіе передано въ лицѣ какъ обоняніе (т. е. носъ?), то, что течетъ съ него сладостью нектара—въ лицѣ развито во вкусѣ (т. е. губы, языкъ?), его окрашенность, рисунокъ, здѣсь перевелись зруніеніе (маловата роль глазъ). Остается слухъ (уши?) но кто же не понимаетъ, что полъ есть пульсація, древнѣйшій въ природѣ ритмъ?“ (стр. 4).

Признаемъ, читатель, наскълько не удовлетворяетъ въ этомъ ученіи значеніе лба и глазъ; повидимому они имѣютъ не маловажное значеніе въ человѣческомъ лицѣ, а между тѣмъ г. Розановъ не придаетъ имъ никакого, повидимому, значенія. Но... будемъ внимать, а не критиковать.

„Взглянемъ еще разъ на „печальнную“ березу или изожжуй на тюльпанъ въ его весенней радости. Полъ въ растеніи есть только временный феноменъ... Но вотъ цвѣтокъ (растенія) раздѣляется: его вѣнчикъ, лепестки, даже тычинки и пестики, вся „видная“ часть, всякое въ немъ „выраженіе“, „сказываніе“ о себѣ—сохраняютъ верхнее, переднее положеніе, напротивъ все внутреннее уже въ цвѣткѣ, полости оплодотворенія и плодоношенія относится назадъ. Едва этотъ чудный фактъ, въ сущности раздѣленіе цвѣтка, произошелъ, существо начинаетъ шевелиться, бѣгать, испытывать страхъ, когда его ловятъ, ловить, когда оно голодно.

Мы получаемъ *планъ животнаго*, собственно развившійся изъ цвѣтка: лицо, *личико* въ немъ—существующее въ начаткѣ у насѣкомаго, раковъ, у „долгоносика“—суть *преобразованные наружные покровы пола*—отъ сего оно и бываетъ мужское и женское, а собственно внутреннія половыя части—есть за-таившійся внутрь плодникъ и „чрево“. Связь между чертами лица—отроческаго, мужественнаго, старческаго, лица сладострастнаго или цѣломудренаго и между жизнью собственно внутреннихъ половыхъ частей—ясна отсюда: какъ лепестки повинуются фазамъ плодника, такъ развернутая и отдѣленная у животныхъ и человѣка эти же лепестки или *лицо* выражаютъ жизнь яйца и спицени“ (стр. 8).

Ясно, да не совсѣмъ и приходится пожалѣть, что г. Розановъ для иллюстраціи своей теоріи не приложилъ рисунка идеального человѣческаго лица; безъ такого рисунка рискуешь впасть въ заблужденіе. Напр. смотря на портретъ Канта и примѣняя къ нему теорію г. Розанова, такъ и хочется сказать: бѣдный Кантъ! Какъ ты глупъ! Какъ плохо твоё лицо дешифрируетъ жизнь твоего пола. Исправься же: склони гордое чено свое, стань на четвереньки, брось аристотелевскіе силлогизмы, возвысь задъ свой, почти въ немъ сѣдалище души и ты будешь идеальнымъ человѣкомъ по гносеологической теоріи г. Розанова.

Что логически такой выводъ вѣренъ и что вся гносеологическая теорія не заслуживаетъ ничего болѣе, кромѣ смѣха—объ этомъ едва ли можно, по нашему мнѣнію, и разсуждать.

Но если такъ, то стоило ли удѣлять ей столько вниманія, сколько мы удѣлили—дов. подробно изложивъ ее?

Въ отвѣтъ на это мы должны высказать нѣчто невѣроятное, но дѣйствительно между тѣмъ происшедшее: изъ этой теоріи г. Розановъ вздумалъ сдѣлать практическое примѣненіе именно въ дальнѣйшихъ статьяхъ своихъ, где онъ выступаетъ моралистомъ и богословомъ. Именно эта гносеологическая теорія и служитъ единственнымъ ключомъ при помощи котораго только и возможно объяснить нѣкоторыя настолько характерныя странности его статей, которыя иначе были бы рѣшительно не объяснены.

Такъ г. Розановъ весьма энергично и при каждомъ удобномъ случаѣ высказываетъ свое презрѣніе къ науки по

скольку она есть именно продуктъ мозговой дѣятельности. Въ частности къ наукѣ богословской онъ относится съ негодованіемъ: она корень великаго зла, испортила все христіанство. „Европейское человѣчество—гов. онъ—приняло „благую вѣсть“ на острѣ разсужденія и отнесло ее въ академію, а не на умиленіе сердца и не понесло ее на струны. Вотъ секретъ „тьмы“, объявившой „свѣтъ“—безсилія свѣта и нашего печального fin de siècle“ (стр. 42), не однократно онъ въ ироничномъ тонѣ отзыается о Фомѣ Аквинскомъ, преосв. Макаріи, тюбингенцахъ, какомъ то „Нравственномъ Богословіи“, церковноприходскихъ школахъ.

Его приводить въ искреннее удивленіе исторія „семи вселенскихъ соборовъ и множества помѣстныхъ западныхъ, изъ которыхъ многіе продолжались семь, восемь и даже—какъ Тридентскій соборъ—цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Тридцать лѣтъ разсужденія!“ (стр. 43). Мы уже знаемъ какъ г. Розановъ относится къ естествознанію. Не лучшаго мнѣнія онъ о философіи Декарта хотя, повидимому, онъ съ философіею вообще такъ же мало знакомъ, какъ и съ Богословіемъ. Онъ вообще не доволенъ всѣми успѣхами цивилизациі, добытыми за XIX вѣкъ и послѣднюю $\frac{1}{4}$ его находитъ положительно несчастно. За что же? За то, что въ теченіи этой $\frac{1}{4}$ вѣка не появлялось ни одного генія: „Укажите—гов. онъ—въ исторіи еще четверть вѣка, въ которую не появлялось бы совершенно и нигдѣ ничего нового, великаго или покрайней мѣрѣ занимательного. Вы не найдете: не было поэтовъ, были полководцы; не они — такъ мореплаватели.... и т. д. (стр. 40). Отчего же такова скудость разума? — Единственно отъ того, что цивилизованное человѣчество нашего вѣка работаетъ мозгомъ и съ презрѣніемъ относится къ функциямъ половыхъ органовъ“.

Это маловѣроятно, читатель, но извольте убѣдиться собственными глазами, прочитавъ разсматриваемую нами книгу.

Примѣненіемъ къ дѣлу этой гносеологической теоріи вполнѣ объясняется и указанная нами выше характерная черта статей г. Розанова—его презрѣніе къ „логическому порядку“ въ расположениі мыслей и во внѣшнемъ изложеніи. „Аристотелевскими силлогизмами“ авторъ пользуется, но пользуется совершенно деспотически: они въ услугеніи его идеѣ, добытой по наитію.

И вотъ такая-то гносеология приложена г. Розановымъ къ рѣшенію вопросовъ моральныхъ и богословскихъ. Можете предполагать, читатель, что изъ этого выйдетъ? Да, выйдетъ нечто новое, не слыханное.....

Въ качествѣ моралиста г. Розановъ выступаетъ проповѣдникомъ новой теоріи „религіи брака и семьи“. Этой проповѣди посвящена особая статья, но и въ остальныхъ она слышится не менѣе громко.

Что такое бракъ? „Бракъ есть полосочетаніе, полопереплетеніе мужчины и девушки (стр. 49). А что такое блудъ и прелюбодѣяніе?—Этихъ понятій не знаетъ теорія г. Розанова и знать ихъ не хочетъ: они — порожденіе схоластического богословія. Развѣ въ природѣ есть блудъ и прелюбодѣяніе?! Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ бракъ человѣка отличается отъ брака животныхъ?—Это другое дѣло.

Полосочетаніе, полопереплетеніе человѣка — есть мистической актъ, оно — деистично.

Во вселенной нѣть для мужчины болѣе привлекательного существа какъ девочки 13^{1/2}—14 лѣтъ — „мигъ пола сейчасъ предъ выявленіемъ, „апрѣль чинары“ (стр. 12). Она чиста, цѣломудренна, прекрасна, религиозна. Половое притяженіе къ ней такъ сильно и въ тоже время такъ свято, что предъ нимъ не въ состояніи устоять никакой развратникъ, какъ Свидригайлъ, вся карамазовщина, даже старецъ, ни „сатана изъ мелкихъ“, ни самъ „демонъ“ (далѣе стѣдуютъ картины спящей живой девушки Лермонтова и лежащей въ гробу Достоевскаго, стр. 11—13). Девушка не должна оставаться долго безъ замужества: крайній для нея срокъ 22 года; ибо достигши 23 лѣтъ она уже утрачиваетъ притягательную силу деистически — половаго притяженія (стр. 14—15). Что касается жениха, то имъ можетъ быть каждый мужчина; никакихъ ограниченій не полагается: свобода полная, составляющая его право, опирающееся на божественной заповѣди: *раститесь и множитесь и наполните землю*. Высшимъ моментомъ брака, дѣлающимъ его таинствомъ, служить *coitus*. Это не только физиологический или животный актъ, но и — это главнымъ образомъ — мистический, божественный, или деистический. Брачная постель — алтарь, мужъ и жена — жрецы — „тайнопворцы“ (стр. 49), своимъ актомъ *Coitus'a* совершающіе какъ бы приношеніе Елоги-

му¹⁾). Этотъ актъ таинственъ и мистиченъ, потому что въ моментъ его происходит союзъ неба съ землею, результатомъ котораго являются для жены-материнство, для мужа подъемъ нравственно интеллектуального самочувствія, для міра—дитя, ангелъ, посланникъ неба²⁾). Посему и домъ, гдѣ совершается этотъ актъ—„скинія“, „домъ Божій“. (См. религія семьи). Какъ продолжителенъ брачный союзъ?—Это обусловливается совершенно индивидуальными обстоятельствами: бракъ длится вообще до тѣхъ поръ, пока есть половое притяженіе. Разъ оно прекратилось въ данной парѣ бракъ прекращается и супруги вступаютъ въ новыя полосочетанія.

Вотъ и вся теорія брака. Она удивительно проста. Мы долго и пристально вчитывались въ статьи г. Розанова именно съ цѣллю найти хотя что нибудь еще, чѣмъ бы осложнить ее, но наши поиски остались напрасны.....

На этомъ базисѣ построится со временемъ *религія семьи*. Въ настоящее время въ человѣчествѣ еще не было такой, розановской, семьи. Появились только начатки, именно у насъ въ Россіи: Л. Н. Толстой въ своихъ романахъ „Войнѣ и мирѣ“ и „Аннѣ Карениной“ первый далъ начало этой новой религіи семьи. Вотъ подлинныя слова г. Розанова, выражаящія это открытие: „Онъ (Л. Н. Толстой) далъ въ тихихъ и прекрасныхъ картинахъ поэзію и почти начало религіи семьи. Анна разрѣшается отъ времени; Китти—въ мукахъ рожденія кричитъ; Наташа смотрѣтъ пеленки ребенка и, перебивая политическія рѣчи мужа, говоритъ: „не надо доктора, опять желтымъ“..... Все тутъ *ново*, и смѣлость не попадавшаго никогда въ литературу рисунка, но главное *ново* самъ авторъ..... Онъ далъ почувствовать, самъ постигнувъ „ветхую“ скинію, которую около себя каждый носятъ, исполняя *нѣкоторыи* „ветхій завѣтъ“..... Ветхое—ветхое что то и новое новое заговорилъ онъ“. (стр. 54—56)

¹⁾ Елогимъ толкуется г. Розановымъ своеобразно. Богъ вообще „животенъ“—„звѣрь“ (стр. 6), можетъ быть половое животное (стр. 116). Всѣ геніи—сладострастны—отъ Соломона до Гете. стр. 17—19.

²⁾ Здѣсь—связь теоріи брака съ гносеологической теорією. Но г. Розановъ не постыдился передать и собственное психофизическое впечатлѣніе *coitus'a*. Стр. 216. Да, для проповѣди своихъ теорій г. Розановъ не щадить ни себя, ни читателей.

Вотъ и вся конструкція розановской семьи—*пока*, что послѣдуетъ въ будущемъ—не извѣстно даже и ему.

Мнѣ хотѣлось бы попросить читателя нѣсколько по пристальнѣ вчитаться въ сей часъ приведенную тираду г. Розанова. Меня поражаетъ въ ней прежде всего слѣдующая странность: вѣдь „тихія“ картины Л. Н. Толстаго изображаютъ бытъ православной дворянской семьи, строившейся цѣлые вѣка подъ вліяніемъ исключительно одной религіи—православной церкви и мнѣ въ первый разъ приходится слышать, что въ названныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстой проводилъ юдофильскія тенденціи. Посему, добросовѣстно ли со стороны г. Розанова оправданіе своей теоріи—указывать въ этихъ произведеніяхъ? *Логично ли?*

Этому замѣчанію я придаю большую важность: ибо такая нелогичность весьма часто встрѣчается въ статьяхъ г. Розанова; это—одинъ изъ излюбленныхъ его пріемовъ.

Я только никакъ не могу решить вопроса: что это—софизмы, или паралогизмы? Т. е. выражаясь проще—сознательно ли онъ морочить своихъ читателей, отлично работая головою и „аристотелевскими силлогизмами“; или же онъ въ такихъ случаяхъ дѣйствительно примѣняетъ къ дѣлу свою гносеологическую теорію?

Я попрошу читателя обратить вниманіе въ приведенной тирадѣ г. Розанова и еще на слѣдующее явленіе. Русская дворянская семья подъ художественнымъ перомъ Л. Н. Толстаго дѣйствительно выступаетъ тихою и прекрасною картиною. Кто не любовался ею? И вотъ посмотрите во что превратилась эта „тихая“ картина подъ перомъ В. В. Розанова—въ *родильный домъ*: тутъ и Анна и Китти и Наташа только и дѣлаютъ что рождаютъ—*кричатъ* въ мукахъ рождения. Да, три дворянскіе дома соединены въ одинъ.... и... *кричатъ*.

Но это-то дѣйствительно и есть „тихая картина“ той „скипії“, того „дома Божія“, въ который преобразится человѣческая семья, если пропагандируемая г. Розановымъ теорія брака пойдетъ въ ходъ и найдетъ себѣ послѣдователей словомъ и дѣломъ. Въ эпоху торжества такой религіи изъ городовъ и сель изчезнутъ совершенно „роды“ и „фамиліи“ а будутъ только родильновоспитательные институты №№ 1, 2, 3 и т. д. Что къ такому упрощенію семии логически неиз-

бѣжно ведеть удивительно простая теорія брака, проповѣдуемая г. Розановымъ—доказывать это почитаю совершенно излишнимъ. — Свою теорію брака и семьи г. Розановъ нерѣдко называетъ кратко: „*положение и погу*“.

Возникаетъ однако же вопросъ: если дѣйствительно таковы положительныя моральныя воззрѣнія г. Розанова на бракъ и семью, то чѣмъ же объяснить тотъ успѣхъ, который имѣли и имѣютъ его статьи? Не ужели люди нравственные, серіозные могутъ не только увлекаться, но даже сколько нибудь интересоваться такою нелѣпостью?

Въ отвѣтъ на это я могу предложить слѣдующее объясненіе. Повидимому въ задачу г. Розанова входило не столько *положительное и ясное* раскрытие его моральной теоріи брака и семьи, сколько подготовленіе для нея почвы возможно сильнымъ нападеніемъ на *церковное учение о бракѣ и семье*, которое, по его убѣжденію, и служить единственою причиной той распущенности семейныхъ нравовъ, которую характеризуется по его мнѣнію *христіанская культура* конца XIX вѣка—западно европейская и русская. Оплакивая это состояніе современныхъ нравовъ, горя такъ сказать желаніемъ „пророка“ оздоровить все человѣчество, уцѣломудрить его, онъ прежде всего и поставилъ себѣ задачею разгромить безпощадно сложившееся „*церковное учение о бракѣ*“¹⁾ и семью—эту единственную причину зла. И онъ дѣйствительно приложилъ этотъ ужасный трудъ разрушенія, не замѣтивъ въ пылу этой ужасной работы даже и самъ, какъ нелѣпа его собственная положительная теорія. Что же удивительнаго что и его читатели, увлеченные страстью борьбою разрушенія этого борца противъ зла и за добрую идею, опустили изъ виду пристальнѣе посмотретьъ: какова на самомъ дѣлѣ положительная сторона этой работы, что стоитъ за *разрушениемъ*?

¹⁾ Но церковнаго ученія о бракѣ г. Розановъ совершенно не знаетъ: онъ догадывается о немъ по источникамъ, рисующимъ *непріглядныя картины несчастныхъ случаевъ брачной жизни*,—по газетнымъ корреспонденціямъ и по статьямъ и письмамъ своихъ почитателей и противниковъ. Правда этими послѣдними наговорено было о бракѣ *много*, но дѣйствительно *цѣннаго*—удивительно мало. См. 2-ю часть книги: полемические материалы.

Таково мое вѣроятное объясненіе этого поразительного явленія, хотя вполнѣ возможнаго¹⁾.

Переходимъ къ характеристику богословскихъ воззрѣй г. Розанова.

Это—въ моральномъ отношеніи трудъ для насть самый тяжкій; мы позволимъ себѣ облегчить его тѣмъ, что будемъ заниматься не столько раскрытиемъ *содержанія* ученія г. Розанова, сколько формальною стороною — методикою его богословствованія. Ибо *содержаніе* его ученія для насть нестерпимо-богохульно.....

Наиболѣе подходящею въ этомъ отношеніи статьею г. Розанова служить для насъ „Иродова легенда“. Этюю статьею мы позволимъ себѣ заняться нѣсколько побольше, чѣмъ прочими.

Она начинается приступомъ, окончивающимся точною формулировкою темы.

„Есть легенды ли,—гов. г. Розановъ — факты ли въ исторіи—уники, единственные. Они не повторяются..... Таковъ разсказъ или легенда объ иродовомъ избіеніи младенцевъ. Факта этого нѣть у Іосифа Флавія и онъ стоить только *преддѣлріемъ* въ Евангеліи въ какой то странной близости, почти въ сближеніи съ *рожденіемъ* Христа. *Продолженіе* и какъ бы *заключеніе* содержащейся въ этомъ разсказѣ мысли дано въ *концѣ* Евангелія: уже идя на *смерть*, Христосъ спросилъ „плода у смоковницы“; она не дала плода и Онъ ее проклялъ. Между двумя этими *легендами* ли, или фактами стоить *безплотное евангеліе*, которое въ учащей, училищной своей части исполнено таинственнаго умолчанія о существѣ плода „плодящейся“ смоковницы. Два эти разсказа—не образъ ли? Не предостереженіе ли? „И повелѣ искать Христа... и повелѣ избить младенцевъ т. е. многіе будутъ искать Христа, искать осуществить „Христово“, но „претыкаясь о безплотность Его наученія, Его небеснаго училища—впадутъ въ Иродову мысль „найдти Христа избивал младен-

¹⁾ Глубокій комизъ гоголевскаго „Ревизора“ въ томъ и состоять, что какой-то шалопай, молокосось, вертопрахъ надулъ цѣлую шайку опытныхъ мошенниковъ. Не хочу этимъ сравняніемъ сказать что либо обидное для г. Розанова и его почитателей; ибо здѣсь возможенъ не комизъ, а глубокій трагизмъ....

цевъ“ и черезъ это жизнь, въ чаяніяхъ бесплотная, станетъ бесплодною. Прообразъ не былъ понять“... (стр. 21 — 22).

Понялъ этотъ „прообразъ“ только въ настоящее время г. Розановъ и раскрылъ весь смыслъ и значеніе его въ исторіи человѣчества.

Вникнемъ въ логическое строеніе темы и ея раскрытия въ статьѣ.

Она есть не что иное какъ плоскій каламбуръ, состоящий въ игривомъ сочетаніи русскихъ словъ: „плотъ“ — „плодъ“, бесплодный—бесплотный и антitezъ: рожденіе—избіеніе младенцевъ, Иродово избіеніе—Христова смерть. Эта каламбуръ г. Розановъ назвалъ „прообразомъ“ и удивляется, что такой прообразъ никѣмъ не былъ понять доселѣ — т. е. въ продолженіи 2000 лѣтъ. Мы вѣримъ искренности такого удивленія, но съ своей стороны не менѣе искренно удивляемся, какъ это г. Розанову не пришло въ данный моментъ на мысль то простое соображеніе, что для подобныхъ логическихъ операций пользоваться Евангеліемъ крайне опасно писателю хотя бы для *собственной репутации*: Святое (а не „бесплотное“) Евангеліе есть книга, предъ которой все мыслившее человѣчество—вѣрующіе и невѣрующіе относились и относятся всегда съ глубокимъ уваженіемъ. Мы увѣрены, что на поклонниковъ художественного таланта Л. Н. Толстаго произвело весьма непріятное впечатлѣніе вышеприведенное уродованіе г. Розановымъ типовъ Наташи, Китти и проч. Что же долженъ подумать о г. Розановѣ читатель, имѣя предъ глазами его опытъ публичнаго неуважительнаго отношенія къ Евангелію? Не въ правѣ ли онъ сказать: да, это писатель, отъ которого слѣдуетъ держаться какъ можно дальше каждому, кто понимаетъ цѣну прекраснаго, идеальнаго, высокаго, священнаго....

Но перейдемъ къ разсмотрѣнію логического строенія цѣлой статьи, составляющей раскрытие темы—каламбура.

При поверхностномъ чтеніи статьи получается впечатлѣніе, благопріятное для автора: повидимому онъ обладаетъ обширными свѣдѣніями въ исторіи человѣческой культуры. Чего-чего онъ не знаетъ? Онъ свободно разгуливаетъ въ мірѣ міѳологіи Греції, Египта,—въ области церковно-исторической западной и русской, отлично, повидимому, знаетъ

біблію, історію Китая, сколастическое богословіе, западно-европейскую поэзію, філософію.... Но стоитъ вникнуть въ логическое сочлененіе этого винигрета знаній, чтобы легко замѣтить, что предъ вами не ученая работа, не работа мыслителя—філософа, а не хитрая хрія сколаста, примѣрами и антitezами усиливающагося доказать положеніе, что *христіанство и Евангеліе ведутъ къ смерти и вырожденію человѣчества*, тамъ, гдѣ они были и дѣйствуютъ,—одни ужасы, а тамъ—гдѣ ихъ нѣть—одна жизнерадостность — „поклоненіе полу“¹. Въ мірѣ христіанскомъ онъ указываетъ Гильдебрандта, Селиванова, Фому Аквінскаго, Испанскую инквизицію, філософію Декарта, Беранже: все это — избиватели младенцевъ, поступающіе такъ, *ища Христово*. Съ истиннымъ наслажденіемъ онъ останавливаетъ свои взоры на виѣхристіанскомъ Востокѣ, древнемъ и новомъ. Здѣсь „Зевсъ вѣчно рождаетъ, Гера ревнуетъ (стр. 27) „Дѣвушка восходитъ на верхушку храма въ Вавилонѣ, но никто туда еще не приходитъ“; въ Тивахъ въ храмѣ Амона *ночуетъ дѣвушка* и тамъ нѣть ни изображеній, ничего, кроме пустой комнаты“ (тамъ же). Въ Китаѣ „я слышалъ, какъ смѣялись милыя дѣвушки и когда я увидѣлъ ихъ, то они сидѣли на троночковыхъ стульяхъ (стр. 25). Съ большимъ удовольствіемъ онъ смакуетъ библейскій разсказъ о томъ, что Соломонъ первый опытъ премудрости, полученной отъ Бога, примѣнилъ къ спорному дѣлу двухъ матерей — блудницъ и упрекаетъ Христа-Спасителя за то, что бывъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской Онъ даже *не взглянулъ* на брачущихся.... „Отческая“ Упостась „вѣчно рождающая“ раскрылась въ Ветхомъ завѣтѣ съ его „обрѣзаніемъ“ и неугасимымъ благословеніемъ рожденію. „Предвѣчное Слово“, „Вторая Упостась“ (въ Новомъ Завѣтѣ) „вѣчно рождается“, но уже „не рождается“. Не догадавшись объ этомъ и принявъ умолчаніе за отрицаніе, христіанство въ огромныхъ частяхъ своихъ отъ Гильдебрандта до Селиванова ввело нѣкоторый тайный антагонизмъ внутрь самыхъ Упостасей Божества, *противопоставивъ* Отческому Лицу въ немъ сыновнѣе“ (стр. 30).

Такова хрія г. Розанова. Хрія есть такое ученическое упражненіе, которое необходимо предполагаетъ совершенно пассивное отношеніе автора къ темѣ. Послѣдняя ему дана, какъ положеніе, его критикѣ не подлежащее; задача ученика

доказать его истинность и возможное дѣло, что учитель, оставшись доволенъ выполненою задачею, на слѣдующій же день дасть тему для новой хріп, по содержанію прямо противоположную: ученикъ обязанъ съ такою же ревностю стараться доказывать и эту тему. Такая умственная гимнастика при злоупотребленіи или неопытности учителя можетъ привести къ весьма зловреднымъ послѣдствіямъ—пріучить къ софистикѣ. Но въ рукахъ опытнаго преподавателя такая гимнастика приведетъ къ несомнѣнно доброй цѣли—она разовьетъ навыкъ къ *критикѣ* доказательствъ и къ осмотрительности въ выборѣ напр. фактовъ или примѣровъ представляемыхъ въ качествѣ аргументовъ. Представимъ теперь на минуту, что и г. Розановъ не самъ сочинилъ тему, а получилъ ее въ готовомъ видѣ; на долю его выпало только сочинить приступъ и подобрать доказательства. Что же? Какъ онъ исполнилъ эту ученическую работу? Какова его хрія? Какъ мы знаемъ, исходною точкою его приступа служить положеніе: Иродова легенда—(или исторической фактъ)—*уникумъ*: для нея нѣть повтореній въ исторіи. Вотъ базисъ всего приступа и всего каламбура.

Каково это положеніе (тезисъ)?

Въ книгѣ Исходъ II, 16 читаемъ:

„И сказалъ (фараонъ) имъ (повивальнымъ бабкамъ): когда вы будете повивать у Евреянокъ, то наблюдайте при родахъ: если будетъ сынъ, то умерщвляйте его, а если (будетъ) дочь, то пусть живеть“.

Ст. 22: „Тогда фараонъ всему народу повелѣлъ говоря: всякаго новорожденнаго (у евреевъ) сына бросайте въ рѣку, а всякую дочь оставляйте въ живыхъ.“

Исхода XI, 4—6: „И сказалъ Моисей: такъ говорить Господь: въ полночь Я пройду по среди Египта.

И умретъ всякий первенецъ въ землѣ Египетской отъ первенца фараона, который сидитъ на престолѣ, до первенца рабыни, которая при жерновахъ, и все первородное изъ скота.

И будетъ вопль великий по всей землѣ Египетской, какого не было и какого не будетъ болѣе“.

Этого указанія достаточно для того, чтобы разлетѣлась вся хрія Розанова: учитель его несомнѣнно поставилъ бы ему 1 или 0 и кромѣ того за незнаніе священной исторіи сдѣлалъ бы надлежащее отеческое внушеніе.

Но въ томъ то и вопросъ: что это такое? Незнаніе ли, *моментальное ли забвение*, или намѣренное сокрытие истины? Не рѣшаемся признать первое—причиною этого странного явленія—ибо въ статьяхъ г. Розанова весьма убѣдительны доказательства его отличнаго знанія Библіи; не рѣшаемся признавать таковою причиной и послѣднее изъ указанныхъ предположеній: ибо представляется невѣроятнымъ, чтобы, намѣренно сокрываючи истину, нашъ авторъ отважился печатать свое произведеніе въ столичномъ органѣ: вѣдь для изобличенія его во лжи достаточно знанія Священной Исторіи.....

Остается наиболѣе вѣроятнымъ второе предположеніе: *моментальное забвение*, lapsus memoriae, находящее себѣ подтвержденіе и въ гносеологической теоріи нашего философа. Онъ несомнѣнно работалъ головою, составляя свою хрію, но подъ гнетомъ сильнаго давленія своего „сѣдалища души“.

Обращаясь за тѣмъ къ самой идеѣ статьи (иначе—темъ хріи) мы поражаемся тою ненавистью къ христіанству и Евангелію, какою проникнута эта статья, и съ другой стороны тѣми симпатіями, которыми она проникнута въ отношеніяхъ автора къ языческому востоку и Ветхому Завѣту. Чѣмъ объяснить такое *настроеніе* автора? Изучившему mannerу автора мыслить и писать нѣть ничего легче отвѣтить на этотъ вопросъ. Онъ ненавидитъ Христіанство и Евангеліе за то только, что находится въ нихъ рѣшительное *отрицаніе „поклоненія полу“* въ своемъ смыслѣ т. е. полу четырнадцатиныхъ дѣвушекъ: съ другой стороны онъ восторженно относится къ язычеству востока и Ветхому Завѣту за то только, что видить въ нихъ *признаніе* своей ужасной моральной теоріи. И эти свои антипатіи и симпатіи онъ выражаетъ открыто, прямо, страстно—совсѣмъ не замѣчая, что его похвалы Ветхому Завѣту производятъ на читателя еще болѣе можетъ быть удручающее впечатлѣніе, чѣмъ его клевета на христіанство и Евангеліе.....

„Антагонизмъ Упостасей“ и вражда между Ветхимъ Завѣтомъ и Новымъ—это второй изъ тезисовъ нашего Богослова, открыто имъ возвѣщаемый въ его книгѣ.

Конечно, нѣть нужды доказывать, что эти „антагонизмъ“ и „вражда“—только *въ сознаніи* или головѣ нашего богослова.

Нашъ интересъ, поэому, состоить не въ томъ, чтобы опровергать истинность такого тезиса и доказывать обратный—отношение согласія: ибо кто же опровергаетъ то, чего въ дѣйствительности нѣтъ? Нашъ интересъ въ данномъ случаѣ исключительно психологический: объяснить, *какимъ путемъ въ сознаніи г. Розанова образовался такой антагонизмъ?*

Читатель не можетъ представить себѣ, какъ просто объясняется такое печальное психическое явленіе.....

Въ Ветхомъ Завѣтѣ г. Розановъ нашелъ Заповѣдь Божію: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. I, 28); въ Ветхомъ Завѣтѣ онъ нашелъ „обрѣзаніе“ какъ Божественное установление; и вотъ онъ носится всюду съ прославлениемъ этихъ двухъ заповѣдей. Худаго въ этомъ, конечно, ничего нѣтъ: напротивъ, возвѣщеніе этихъ заповѣдей достохвально, какъ и возвѣщеніе *всего Ветхозавѣтнаго Закона*: но худо то, что въ этихъ двухъ заповѣдяхъ г. Розановъ нашелъ неопровержимый базисъ для своей теоріи „*поклоненія полу*“.

Въ Евангеліи г. Розановъ не нашелъ ни заповѣди: „раститесь и множитесь“, ни обрѣзанія, но нашелъ здѣсь антitezы: „лучше не жениться“. „Кто ради Меня не оставитъ мать свою и отца своего—нѣсть Меня достоинъ“. (стр. 53). И вотъ въ какихъ словахъ онъ выражаетъ отношение Евангелія къ Ветхому Завѣту по вопросу о бракѣ:

„Лучше не жениться“.... Таинственные слова по духу, по положенію, по судьбѣ въ исторіи. Только одна строка, *неуволимо нѣжное указаніе*; но въ то время, какъ тысячекратно повторенные слова о любви „даже и къ врагамъ“ не получили никакого развитія въ христіанскомъ мірѣ, не выросли въ катехизисѣ, не сложили изъ себя богословія, не одѣлись въ каноническое право и не создали никакого специального учрежденія, если не считать нарѣзныхъ пушекъ и игольчатыхъ ружей „для враговъ“¹⁾, — это *нѣжное указаніе* собственно облекло все христіанство, всему ему сообщило колоритъ, тембръ. Оно такъ кратко, такъ не обыкновенно, такъ *ново* по отношению къ Ветхому Завѣту, что принимая во внимание слова: „Я не разрушить пришель законъ, а ис-

¹⁾ Обратите вниманіе, читатель, *какая ораторская техника въ сочетаніи предложенийъ, изъ коихъ каждое—ложь и клевета.*

полнить“, его можно было бы счесть интерполяцией текста, если бы еще искоторые въ Евангелии слова не составляли отдаленаго къ нему предуготовленія. „Кто матерь Твоя и братья Твои?—„Слышающіе слово Мое суть братья Мои и Матерь Моя“. Это—небесное училище безъ кровныхъ связей и даже съ неуловимо тонкимъ ихъ отрицаніемъ. „Кто ради Меня не оставитъ матерь свою и отца своего — нѣсть Меня достоинъ. Опять специальнай нужды упоминать именно родныя, кровныя узы, какъ предметъ разрыва—не было здѣсь: и можно думать, что центръ тяжести здѣсь именно въ этихъ узахъ, а „нѣсть Меня достоинъ“ есть лишь случай и поводъ указать на противоположность Христова и плотскаго. „Ты—Петръ и на семъ камнѣ (пустыня) созижду церковь Мою“—есть какъ бы предуготовленіе, что вся церковь, почти вся будетъ построена на характерѣ пустыннаго, пустынножительного бытія. Голгоѳа! Всѣ эти тайныя указанія суть предуказанія Голгоѳы, и христіанство не ошиблось въ постиженіи Евангелія, выросши все въ духъ, въ глубину, въ философию и поэзію Голгоѳы. „Сораспинаемся Христу“, „распинаемъ страсти“.... „Что есть человѣкъ?—трава сельная; днесъ есть и на завтра нѣть ея“, поетъ одинъ церковный стихъ. Да и одинъ ли? Религія „среды“ и „пятковъ“, она увита, повита погребальными покровами. Какъ кратко крещеніе, какъ блѣдно вѣничаніе, краткотечны и торопливы исповѣдь и причастіе! Но человѣкъ умираеть, и вдругъ христіанство выростаетъ во всю силу: какія пѣнія, какія слова! какая мысль и, повторяемъ, поэзія!“¹⁾

Мы привели такую большую тираду съ тою цѣллю, чтобы наглядно доказать то наше завѣреніе, высказанное ранѣе, что г. Розановъ отлично работалъ „головою“, но при сильномъ на нее давленіи его „сѣдалища души“. Въ чёмъ дѣло?

Въ томъ, что во время его богословскихъ работъ „память“ совершенно измѣнила ему во 1-хъ относительно существованія въ Ветхомъ Завѣтѣ заповѣдей VII и X-й; во вторыхъ относительно дѣйствованія въ исторіи народа Божія грозной гарантіи исполненія первой изъ этихъ заповѣдей— побіенія камнями за нарушеніе ея. Умолчаніе объ этихъ за-

¹⁾ Стр. 52—53.

повѣдяxъ закона Божія въ статьяхъ г. Розанова обращаеть на себя вниманіе. Что значитъ это умолчаніе? Почему его почитатели не обратили на это вниманія—намъ не представляеть никакого интереса. Но это не важное на поверхности взглядъ обстоятельство отлично объясняеть тотъ психической феноменъ въ сознаніи г. Розанова, который самъ онъ назвалъ враждою двухъ Завѣтovъ, „тайнымъ антагонизмомъ Упостасей Божества“.

Ни на минуту нельзя сомнѣваться въ святости и величинѣ Господней заповѣди: „раститесь и множитеся“. Въ ней христіанскіе юристы видятъ Божественное основаніе всего *частнаго* или гражданскаго права: семейственнаго, супружескаго; права собственности движимой и недвижимой (Пухта). Но какъ человѣчество *исполнило эту заповѣдь?* Г. Розановъ правъ, когда находитъ указаніе своей теоріи „*поклоненія полу*“ во всемъ язычествѣ. Да, практическіе поклонники его теоріи дѣйствовали тогда: ужасы разврата—вотъ что встрѣтило христіанство въ нравахъ грекоримскаго міра и въ народахъ востока. Нѣсколько лучше исполнялась эта заповѣдь въ народѣ Божіемъ подъ вліяніемъ нравственнаго (на совѣсть) воздействиia заповѣдей десятословія и подъ страхомъ жестокаго возмездія за ихъ нарушеніе. Но и на долю народа Божія выпало не незначительное искаженіе въ толкованіи этихъ заповѣдей и примѣненіи ихъ къ судейской практикѣ. Еврейская юриспруденція затемнила ясный смыслъ ихъ значительно окреѣшимъ ко времени пришествія Христа Спасителя „*преданіемъ старцевъ*“, которое *односторонне*—т. е. по отношенію только къ преступной женщинѣ примѣняло жестокую кару за прелюбодѣяніе, почти совершиенно освободивъ отъ уголовной и нравственной ответственности преступниковъ мужчинъ (вспомните знаменитыхъ старцевъ судей Сусанны), и уничижила положеніе жены—матери въ семье до степени рабы господина-мужа.

„Предвѣчное Слово“, Вторая Упостась, по точному изображенію Евангелія, дѣйствуетъ какъ *Истолкователь* изначального смысла закона о бракѣ (отъ начала же не бысть тако), данного *Законодателемъ*; какъ *Искупитель* и *Ходатай* предъ *Праведнымъ Судію* за нарушителей его—прелюбодѣевъ и прелюбодѣйцъ—кающихся и так. обр. устанавливаетъ согласіе Ветхаго и Нового Завѣтa. Отношеніе *согласія Упостаси*

сей *Отца-Законодателя и Судіи и Сына-Истолкователя, Искупителя и Ходатая не колеблется никакимъ антагонизмомъ ни явнымъ, ни тайнымъ.*

Изъясненная Христомъ изначальная норма исполненія заповѣди: „раститесь и множитесь“ состоящая въ равномъ и нескончаемомъ взаимообразительствѣ единаго мужа и единой жены (еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ) есть вѣчная божественная норма брака, составляющая одинаковое достояніе и Новаго и Ветхаго Завѣта. Ея дѣйствіе съ одинаковою силою обнаруживается и въ горькихъ покаянныхъ слезахъ Давида, обличеннаго Наѳаномъ (Псал. 50) и въ блудницѣ „зельно слезящей“ у ногъ Христа Спасителя. Она доселѣ дѣйствуетъ краскою стыда на лицѣ мужа и жены, обличаемыхъ совѣстю только въ „пожеланіи“, только „во взглядѣ ко еже вожделѣти (чужаго мужа, или чужой жены), если только совѣсть ихъ не убита теоріею „поклоненія полу“, блестящимъ провозвѣстникомъ которой выступилъ въ нашемъ отечествѣ г. Розановъ. Эта вѣчная божественная норма лежить въ основѣ христіанскаго нравственнаго ученія, по которому полосочетаніе мужа и жены есть бракъ честенъ и ложе не скверно, великая тайна въ образѣ союза Христа и Церкви; а полосочетаніе прелюбодѣя и любодѣя, будь это простой мірянинъ, монахъ или безбрачный католическій священникъ, есть грѣхъ, нечистота, свинство. Г. Розановъ недоумѣваетъ, какимъ это образомъ выходитъ, что одинъ и тотъ же актъ полосочетанія въ одномъ случаѣ великая тайна, въ другомъ—великая мерзость.—Недоумѣніе великое, которое не затруднилась бы однакоже разсѣять г. Розанову каждая христіанская женщина, если бы только онъ не позабылъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ, кроме заповѣдей „раститесь“ и „обрѣзанія“ есть еще заповѣди „десятословія“ и съ этимъ забвеніемъ не обронилъ такъ сказать ключа къ разумѣнію согласія обоихъ Завѣтовъ въ ученіи о бракѣ, одинаково враждебныхъ теоріи „поклоненія полу“.

Что касается сопоставленія г. Розановымъ заповѣди: раститесь и множитесь и словъ Евангелія, такъ неизѣпо—тенденціозно истолкованныхъ имъ въ приведенной выше тирадѣ, то эта антитеза—ораторскій пріемъ такого же достоинства, (*qui pro quo*), какъ цѣ антитета сказаний обѣ избіеній:

младенцевъ Иродомъ и о бесплодной смоковнице. Доказывать это—кажется—излишне.

Намъ остается разсмотреть еще характерную черту въ богословствованіи г. Розанова — его рѣзкое и частойчно защищаемое различеніе въ христіанствѣ и самомъ Евангелии двухъ культовъ: культа Виолеема и культа Голгоѳы и Креста. Мы отказываемся, однокоже, отъ подробной характеристики этого пункта въ богословіи г. Розанова именно по двумъ основаніямъ:

1) Въ формальномъ или методическомъ отношеніи этотъ пунктъ ничего особенно характернаго не представляетъ. Основаніе для различенія, для противопоставленія ихъ какъ враждебныхъ культовъ то же самое, которое служило основаніемъ и для измышенія антагонизма между Отческою и Сыновнею Упостасями и между Ветхимъ и Новымъ Завѣтами, — т. е. культь Виолеема будто бы благопріятствуетъ теоріи „поклоненія полу“, а культь Голгоѳы и Креста рѣшительно отрицаетъ это „поклоненіе полу“.

2) Характернымъ этотъ пунктъ представляется по своему содержанію. Но это содержаніе до того *нестерпимо* — богохульно, что мы рѣшительно отказываемся на страницы Богословскаго Вѣстника занести хотя бы одну фразу изъ этого богословія. Вполнѣ развить этотъ пунктъ въ статьѣ „Семья какъ религія“: сюда мы и отсылаемъ читателя. Съ своей же стороны всю характеристику содержанія этого пункта ограничиваемъ слѣдующими словами: Здѣсь воздаются гнусныя похвалы культу Виолеема, гнусныя сближенія съ языческою миѳологією и высказываются неслыханныя доселѣ въ литературѣ поруганія Голгоѳы и Креста: для г. Розанова этотъ культь — *страшенье*.....

Въ концѣ своей книги г. Розановъ предрекаетъ близкое паденіе христіанства и торжество своихъ теорій въ слѣдующей рѣчи:

„Іерихонская стѣна“ невѣжества и атеизма (т. е. христіанства) рухнетъ передъ этими трубами „отцовъ“, трубами „матерей“. Т. е. „небесный Іерусалимъ“ прямо спустится на Исакіевскую площадь, а торговцы „Щукина двора“ возьмутъ „пальмовыя вѣти“ и „одѣнутьтъ бѣлую одежду“ (одну?), не дожидаясь ни смерти, ни суда, и восклицая: *ни смерти! ни суда!*“ (стр. 270).

Вотъ прекрасная и тихая картина художественной кисти самого г. Розанова, изображающая будущій семейный бытъ, созданный „русскимъ геніемъ“. Она есть достойное цѣлой книги заключеніе и наилучшая автохарактеристика автора.

Что же онъ? — не геній ли, не пророкъ ли?

— Ни то, ни другое: это—паяцъ, или тяжело недугующій человѣкъ.

Выслушавъ этотъ строгій, но правдивый приговоръ: ибо каждый иной былъ бы не вѣренъ,—читатель имѣть право спросить насъ: да стоила ли труда, стоила ли такой обширной рецензіи эта злосчастная книга?

Вопросъ для насъ не непредвидѣнныи и вотъ отвѣтъ на него:

Она не заслуживала бы вниманія, если бы авторъ выпустилъ ее въ свѣтъ только подъ своимъ именемъ, но вѣдь онъ рекомендуетъ себя публицистомъ, котораго удостоили если не полной солидарности, то во всякомъ случаѣ глубокаго вниманія слѣдующіе органы столичной прессы: Биржевые Вѣдомости, Гражданинъ, Новое время, Русскій трудъ, С.-Петербургскія Вѣдомости (см. предисловіе).

Молчаливое презрѣніе къ такому патентованному публицисту едва ли можетъ найти достаточное оправданіе.

„Но—замѣтить можетъ быть иной неотвязчивый читатель—вы, г. рецензентъ, только и занимались тѣмъ, что выясняли нелѣпость воззрѣній г. Розанова, а съ своей стороны почти ничего положительнаго не высказали о бракѣ, хотя бы по учению церкви и Евангелія“.

— Правда; но вѣдь я и писалъ только рецензію о книгѣ; а съ другой стороны вѣдь несомнѣнно же является изъ этой книги, что г. Розановъ не признаетъ достоинства человѣческаго разума, не придаетъ никакой цѣнны наукѣ, въ особенности богословской, по своему усмотрѣнію распоряжается Ветхимъ Завѣтомъ и требуетъ идеяного, или существеннаго преобразованія Нового Завѣта — вѣдь все это напечатано въ его книгѣ: такъ посудите же, неотвязчивый читатель, можно ли сойтись на чемъ нибудь съ такимъ мыслителемъ? А вѣдь онъ вызываетъ на объясненія по предмету такой важности, какъ святыня семейнаго очага.

Вотъ, если г. Розановъ откажется отъ своей гносеологической теоріи, „разбѣтъ ее — выражаясь языкомъ жизнерадостной еврейской поэзіи—о камень, какъ младенца огаянной дщери вавилона“, дастъ слово уважать „логический порядокъ“, авторитетъ науки, авторитетъ обоихъ Завѣтовъ: тогда и я дамъ обязательство отвѣтить на всѣ его запросы съ полной обстоятельностью.

H. Заозерскій.
